

-
4. *Il'in E. P.* Motivatsija i motivy. SPb.: Piter, 2003.
 5. *Kulganov V. A., Kuz'micheva I. V.* Formy i prichiny deviantnogo povedenija // Psihologija obrazovanija v polikul'turnom prostranstve. 2009. T. 2. № 3–4. S. 45–53.
 6. *Lorenc K.* Agressija. SPb.: Amfora, 2001. S. 36.
 7. *Rean A. A.* Podrostok. SPb.: Piter, 2002. 432 s.
 8. *Jaccard James, Blanton Hartet all.* Influences on Risk Behavior: An Analysis of the Effect of a Close Friend // *Developmental Psychology*. Vol 41(1). Jan 2005. P. 135–147.
 9. *Kelly H. H., Berschied E. et all.* Close relationships. NY., 1983.
 10. *Olweus D.* Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys. Washington, DC: Hemisphere Press? 1978.
 11. *Sally M.* Weinstein, Robin J. Mermelstein, Donald Hedeker, Benjamin L. Hankin, Brian R., Flay Mahwah. Moderators of Peer Contagion a Longitudinal Examination of Depression Socialization Between Adolescents and their Best Friends // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2006. Vol. 35. Iss. 3. P. 420.
 12. *Stephenson P., Smith D.* Bullying in the junior school. Trentham Books, 1988.

Е. Ю. Коржова

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Рассматривается проблема нормы и патологии личности Ф. М. Достоевского и его литературных персонажей в контексте духовно-нравственной сферы. Борьба добра и зла в личности рассматривается в качестве главной линии творчества Ф. М. Достоевского. Показано, что в произведениях Ф. М. Достоевского представлено широчайшее многообразие способов личностного бытия, демонстрирующих остроту внутренней жизни.

Ключевые слова: норма и патология личности, личностная зрелость, духовно-нравственная сфера, добро и зло, нравственный выбор.

Е. Korjova

THE NORM AND PATHOLOGY OF PERSONALITY IN THE LIFE AND WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY

The article discusses the issue of the norm and pathology of the personality of F. M. Dostoevsky and his literary characters in the context of the spiritual and moral sphere. The struggle of the good and the evil in the person is considered as the main line of F. M. Dostoevsky creativity. It is shown that in the works of F. M. Dostoevsky there is a wide variety of the ways of personal being demonstrating the severity of inner life.

Keywords: norm and pathology of personality, personal maturity, spiritual and moral sphere, good and evil, moral choice.

Решение проблемы нормы и патологии личности зависит от существенно различающегося в разных подходах понимания сути личностной зрелости. При этом чем

сложнее и целостнее модель личности, лежащая в основании той или иной концепции, тем большее значение приобретает зрелость духовно-нравственная, когда ду-

ховно-нравственная сфера становится определяющей суть личности [7]. Именно в таком ключе могут быть рассмотрены личность Ф. М. Достоевского и его творчество, которым интересовались многие психиатры, включая таких крупных, как Э. Кречмер [10], Ч. Ломброзо [12] и З. Фрейд [16], приписавший Достоевскому «эдипов комплекс», а также «некоторые другие не менее мрачные вещи» [9, с. 13]. З. Фрейд заинтересовался «подпольем» Достоевского, вместилищем человеческих пороков — напряженных страстей, отнеся их впоследствии к сфере бессознательного и утверждая, что без «Братьев Карамазовых» не было бы психоанализа. Это в очередной раз свидетельствует о возможности разных уровней прочтения Достоевского. Фрейд, создавший концепцию «объектной» личности — по сути, до-, или предличности, прочитал его на самом нижнем. Но поскольку существуют разные модели личности, часто противоположным образом объясняющие закономерности ее бытия, то возможны и другие варианты. Перефразируя Фрейда, более точно было бы сказать, что без «Братьев Карамазовых» не было бы психологии личности — настолько психологически верно Достоевский описал все основные психологические типы личности, если различать их по критерию направленности.

Тем не менее, в признании гениальности великого писателя авторы различных интерпретаций единодушны. В связи с этим получил распространение миф об эпилепсии, которой Достоевский якобы обязан своим литературным гением и мистицизмом [13; 18 и др.]. Впрочем, относительно диагноза по сей день существуют дискуссии. Следует признать, что при попытках объяснить закономерности творчества психопатологически ускользает его содержание.

Необыкновенная творческая продуктивность свидетельствует со всей очевидностью о мощных душевных резервах, позво-

ливших Ф. М. Достоевскому справиться с болезненными проявлениями психики. О. Н. Кузнецов и В. И. Лебедев, обращая внимание на способность Достоевского компенсировать тяжелые нравственные страдания и жизненные трудности, предпочитают говорить о диагнозе невроза или невротического развития личности, проявившегося в многообразии «расстройства нервов» и припадков, не приведших к смерти, а тем более к распаду личности и интеллектуальному снижению [9].

Ф. М. Достоевского часто посещали негативные эмоции, при его высокой эмоциональной чувствительности являвшиеся реакцией на многочисленные неблагоприятные обстоятельства. Однако его печаль и тоска — это то страдание, которое очищает душу и ведет человека к радости. В самом деле, Н. Н. Страхов в своих воспоминаниях писал: «Никогда не было в нем заметно никакого огорчения или ожесточения от перенесенных им страданий, и никогда ни тени желания играть роль страдальца» [15, с. 22].

Внутренний мир Ф. М. Достоевского находился в состоянии непрерывного изменения и развития. Многие отмечают, что для него не было ничего окончательного, застывшего. Заметно было его постоянное духовное развитие. По словам Б. И. Бурсова, «Достоевский был человеком, всю жизнь строившим свое мировоззрение» [15, с. 545]. Он сам неоднократно писал об этом своим адресатам. В борьбе духа он все больше приходил к осознанию того, что счастье не дается даром и приходит через страдания и придание ему смысла. Чувство ценности жизни становилось все более острым. В январе 1873 г. Ф. М. Достоевский сделал запись в альбом О. А. Козловой: «Я сохраняю несколько фотографий людей, которых наиболее любил в жизни, — и что же? — Я никогда не смотрю на эти изображения: для меня, почему-то, воспоминание равносильно страданию, и даже чем счастливее вспоминаемое мгновение,

тем более от него и мучения. В то же время, несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо, люблю жизнь для жизни, и, серьезно, все еще собираюсь начать мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет, а я все еще никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю» [3, с. 119].

Многие оставили воспоминания о Ф. М. Достоевском как о человеке беспредельной доброты, который сам шел с помощью к чужой беде не только ближних, но и незнакомых ему людей, не жалея ни времени, ни сил, ни денег, ни души. По словам Н. Н. Страхова, «он видел Божию искру в самом падшем и извращенном человеке» [15, с. 291]. С особенным участием относился к детям. Для него ценнейшим качеством в человеке было оставаться человеком и в нечеловеческих условиях, и он оставался им, несмотря на тяжелые испытания судьбы: каторгу, ссылку, болезнь, материальную нужду. С годами люди все больше тянулись к нему. При всей своей природной нервозности, подверженности страстям он сознательно строил зрелую личность в полном соответствии со своей концепцией, в постоянной внутренней работе над собой, в острой внутренней борьбе между верой и неверием. Как пишет преп. Иустин (Попович), через Достоевского пламенно выразилась вся полнота русской души, со всеми пороками и добродетелями: «Личность Достоевского — самое проникновенное и самое возвышенное отражение русского народного самосознания» [14, с. 266].

В процессе творческого самовыражения человек занимает по отношению к миру особую целостную позицию, переживает онтологическое единство с ним, сопричастность всему в мире, выражая себя как личность и все в большей мере становясь ею. Личность и творчество писателя едины. К Ф. М. Достоевскому вышесказанное может быть отнесено в первую очередь. Он всегда писал о том, что пережил сам. «Все его произведения можно считать автобио-

графическими, поскольку их герои решают проблемы, мучившие самого Достоевского, и переживают в жизни те же страстные чувства, ужасы и надежды, которые так хорошо были знакомы ему самому» [5, с. 98]. Б. И. Бурсов отметил, что в исповедальном творчестве Достоевского самопознание и познание смысла человеческого бытия совпадают, что иногда свойственно великим людям: «Достоевский всегда занят собою. И в то же время целым миром: разгадывая собственную личность, разгадывает судьбу всего человечества» [14, с. 7]. Эта особенность Достоевского подмечена многими. Но не только жизнь — есть творчество, а и творчество — есть жизнь. По мнению Достоевского, человек не только живет, но еще сочиняет свою жизнь, что, в принципе, равноценно.

После каторги физическое здоровье Ф. М. Достоевского ухудшилось — участились и стали более тяжелыми приступы эпилепсии, отнимающие память на несколько дней, вызывающие мрачное настроение, усиливающие мнительность. Врачи советовали прекратить литературный труд ради излечения. Но именно его он считал своим призванием. Н. М. Зернов отмечает, что «физическое нездоровье, повышенная эмоциональность и постоянные финансовые затруднения делали литературный труд почти невыносимым для него, но ничто не могло оторвать Достоевского от писательства и стремления преодолеть любые трудности» [5, с. 97]. При таком отношении Достоевского к своему творчеству не удивительна его высочайшая требовательность к себе как к писателю. Его труды имели по несколько черновиков.

Ф. М. Достоевский выделяется продуктивностью и результативностью даже среди мировых гениев (его произведения включены в полное собрание сочинений, составляющее 30 томов). Причем следует принять во внимание, что из пятидесяти девяти лет десять «сибирских» лет он не

писал. Б. И. Бурсов, сравнивая Достоевского с Толстым, отмечает, что он написал не меньше, чем Толстой, за срок, вдвое больший [1]. В одном из писем Ф. М. Достоевский упоминает о том, что за два года написал до ста печатных листов. При этом, как ни удивительно, в письмах он же жалуется на свою лень. Н. Н. Страхов вспоминал, что Ф. М. Достоевский все время торопился писать к какому-то сроку, получив деньги вперед. Он откладывал работу до того, как будет времени в обрез, чтобы можно было сделать ее усердно. Это качество он называет особой писательской ленью: «...в нем постоянно совершался внутренний труд, происходило нарастание и движение мыслей, и ему всегда было трудно оторваться от этого труда для писания. Оставаясь, по-видимому, праздным, он, в сущности, работал неутомимо <...> Писание было у него почти всегда перерывом внутренней работы, изложением того, что могло бы еще долго развиваться до полной законченности образов» [15, с. 282–283]. Преп. Иустин (Попович) признавался в своем увлечении Достоевским, считая его с пятнадцатилетнего возраста своим учителем и мучителем одновременно: «Я понял, что его проблемы — это вечные проблемы человеческого духа. И если человек называется человеком, то он должен ими заниматься. А Достоевский весь в этих проблемах, и потому во всех своих исканиях он — настоящий человек. Его превосходство — в том, что в вечные проблемы человеческого духа он внес вдохновение пророка, пламень апостола, искренность мученика, грусть философа, прозорливость поэта» [14, с. 11]. Эти проблемы человеческого духа могут быть сведены к двум «вечным проблемам»: к проблеме существования Бога и к проблеме бессмертия души. Решение одной проблемы — это и решение другой. Если есть Бог, душа бессмертна, и наоборот. Если человек решает эти проблемы, то тогда решает и другие, онтологические.

Ф. М. Достоевский увидел бесконечную сложность и трагизм человеческой природы, показал все ее стороны — в конечной завершенности, поэтому читателю трудно следовать за ним. Преп. Иустин (Попович) дает портрет настоящего читателя Достоевского: это человек, который сам глубоко погружен в решение вечных проблем. Для остальных Достоевского читать нудно и страшно. Таким образом, несомненно, духовная компонента личности и творчества Ф. М. Достоевского — системообразующая [7].

Достоевский как психолог проводит эксперимент. Он мучает своих героев, помещает их в абсолютно нереалистические (даже фантастические) обстоятельства, но их духовная жизнь, ее закономерности исключительно правдивы. Писатель не только констатирует утрату современным человеком веры, но и с большой психологической точностью показывает, каковы последствия этой утраты для внутреннего мира. В жизненных событиях становится видимым крест, который человек, чтобы быть человеком, должен принять. Жизненные события высвечивают духовные закономерности на протяжении всей жизни (именно в этом случае можно говорить о «кресте», соотносимом с судьбой, выполнением определенного предназначения, реализацией замысла Бога о конкретном человеке, и выделять общие закономерности духовного движения жизни).

Раскрывая диалектику добра и зла, Достоевский противопоставляет самоутверждению и стремлению к освобождению от житейских скорбей — ценностям секулярной культуры — страдание и его терпение, смирение в терпении скорбей. Смысл страданий русского человека, по Ф. М. Достоевскому, состоит в потребности самоочищения. В страдании не гасятся, а пробуждаются и закаляются духовные силы. Духовное развитие происходит через преодоление противоречивой природы, греховного,

как ориентация на идеал, видимый в Боге, в страданиях, в достойном преодолении (переживании) трудных жизненных событий. Творчество Ф. М. Достоевского наполнено радостью. Страдание, очищающее душу, сжигает грех и дает счастье: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (то есть непосредственно чувствуемое духом и телом, то есть жизненным всем процессом) приобретается опытом про и контра, которое нужно перетаскать на себе» [3, с. 154–155]. М. М. Дунаев чутко разъясняет: «Страдание для Достоевского не самоценно: оно лишь средство к избавлению от душевной нечистоты, и оттого не желанно, — неизбежно. Тут не душевный мазохизм, в чем порой обвиняли писателя духовно нечуткие люди, а религиозно напряженное стремление от собственного безобразия к постижению образа Божия» [4, с. 332].

Наряду с образами христианской святости (Алеша Карамазов и князь Мышкин — христиански идеальные люди в будничной обстановке, в житейских обстоятельствах, о Зосима и Макар Долгорукий — святые со склонностью к аскетизму и созерцательности) Достоевский изображает глубочайшее падение, только возможное для человека. Между теми и другими нет непроходимой пропасти. И в грешниках в его изображении остаются искры добра. О. Н. Кузнецовым и В. И. Лебедевым отмечается значительное количество персонажей с истерическими расстройствами (Екатерина Ивановна Верховцева, мать Алеши и Ивана, Снегирев, Илюшечка, Коля Красоткин, Лиза Хохлакова и ее мать) [9]. В этом случае Достоевским, как мы полагаем, подчеркивается мучительность для личности эго-ориентации, а также попыток преодолеть ее. Основным психологическим механизмом истерии всегда назывался подчеркнутый эгоцентризм. В структуре характера

есть истерические черты у Грушеньки и Настасьи Филипповны. Большая часть героев Достоевского неоднозначны — они одновременно совмещают в себе добро и зло. Законченным злодеем может быть назван разве только князь Валуев, написанный Достоевским исключительно черной краской. Обычно психопатологическим проявлениям персонажей противопоставляется здоровое «ядро» личности: борьба добра и зла протекает в процессе нравственного усовершенствования.

Ф. М. Достоевского часто называют великим психопатологом, указывая, что его герои не совсем нормальны. В действительности писатель лишь заострял, доводил до крайности в своих героях те переживания, ту внутреннюю борьбу, которые присутствуют во внутреннем мире обычного человека. Зло — это патология личности. Человек, живущий в любви, творящий добро — норма, свойственная положительным героям. Борьба добра и зла происходит в каждом человеке, мучающемся от противоречий. Нравственный выбор — основной механизм этой борьбы. Миф о мрачности творчества или, напротив, о розовом христианстве связан со стремлением писателя показать, что в каждом человеке есть и добро, и зло, свет и тьма, борющиеся на протяжении всей жизни. Исход борьбы непредсказуем и зависит от усилий самого человека и его не только нравственного, но и духовного выбора. Поэтому наибольший интерес представляют персонажи, отличающиеся творческой жизненной направленностью, которые осуществляют выбор в сторону добра или зла, тем самым реализуя свободу воли.

Борьба добра и зла в личности — главная линия творчества Ф. М. Достоевского [2; 4; 14]. Писатель не был моральным релятивистом. Диалог добра и зла всегда на его страницах завершается в пользу добра. При этом он пользуется, как правило, доказательством «от противного». Ориентир,

единственная основа нравственного поведения — это Христос.

Ф. М. Достоевский считал, что поскольку в мире есть зло и страдания, человек должен быть ответственным за определение своего жизненного пути, за свои грехи, что проявляется в его нравственном выборе. Среда же «виновата» лишь косвенно. Вместе с тем задача человека принимать со смирением волю Божию. «Смирись, гордый человек!» — это призыв уже зрелого Достоевского в его знаменитой Пушкинской речи. Признавая возможности беспредельного творчества человека, Ф. М. Достоевский вместе с тем показал, что оно может вылиться в произвол человека, верящего в самого себя. Свобода может проявиться как своеволие, а может — как следование идеалу — Христу. Отрекаясь от веры в Бога, человек обожествляет себя самого и тут же попадает во власть страстей. Распад личности и революционный взрыв одной природы — это стремление низвергнуть Бога и устроить жизнь по своей воле.

Ф. М. Достоевский представил в своем творчестве как демонологию (диаволодицею), так и теодицею — действие Бога и дьявола в обыденной жизни человека [14]. В первом случае заслуга Достоевского — в открытии метода действия дьявола в человеке. Он показал, что грех обезличивает человека. Его антигерои, творцы человекобога представляют диаволодицею. Но Достоевский не останавливается на этом и показывает, что существует и дьявол, и Бог. Если существует только дьявол, жизнь человека оканчивается сумасшествием или самоубийством.

Персонажи Достоевского — это, в определенном смысле, он сам, различные грани его собственной личности. Он глубоко проникал во внутренний мир своего персонажа и следовал его логике, как будто сливаясь с ним. Поразительна точность описания Достоевским закономерностей личного бытия.

В. Ф. Чиж, уже через четыре года после смерти Достоевского написавший книгу «Достоевский как психопатолог», отмечает, что Достоевский описал большее количество душевнобольных, чем какой-либо другой писатель в мире. Из более ста персонажей, которых он подсчитал, более четверти — душевнобольные [18].

В. М. Бехтерев в докладе, который он сделал в 1913 г., отметил: «Гениальным чутьем и проникновенной художественной интуицией Достоевский наметил ясно и метко важнейшие черты болезненных явлений душевной жизни. Почти все разновидности психического страдания, классифицированные современной наукой, находят для себя яркие, выпуклые иллюстрации в его произведениях. Клиническая правда в большинстве случаев совпадает с данными художественного творчества Достоевского» (цит. по [9, с. 7]).

К. Леонгард, разработавший типологию акцентуаций характера и темперамента, указал, что информация об «акцентуированных личностях», находящихся на грани нормы и патологии, в наибольшей мере имеется в произведениях Достоевского [11].

Впрочем, данный вопрос, скорее всего, должен рассматриваться более широко — как представленность в творчестве Достоевского широчайшего разнообразия вариантов личности, понятых в различном ключе. Давая на материале художественной литературы характеристику авторской типологии личности, в основании которой лежит ее направленность, определяющая закономерности протекания жизненного пути, мы обратили внимание на следующий факт. Среди писателей, наиболее достоверно и подробно описавших все проанализированные нами типы личности [8], пальма первенства принадлежит Ф. М. Достоевскому, не имеющему себе равных в точности и подробности художественного изображения «вариантов жизни».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурсов Б. И. Личность Достоевского. Л.: Советский писатель, 1974. 672 с.
2. Григорьев Дм., прот. Достоевский и церковь. М.: Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2002. 175 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 27. 762 с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. III. М.: Храм св. мученицы Татианы при МГУ, 2003. 768 с.
5. Зернов Н. М. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. СПб.: Русская симфония, 2010. 400 с.
6. Кольцова В. А., Холондович Е. Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 304 с.
7. Коржова Е. Ю. Здоровье личности в персонологических моделях // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. СПб., 2009. № 100. С. 77–87.
8. Коржова Е. Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2013. 542 с.
9. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский над бездной безумия. М.: Когито-центр, 2003. 232 с.
10. Кречмер Э. Гениальные люди. СПб.: Академический проект, 1999. 303 с.
11. Леонгард К. Акцентуированные личности: Пер. с нем. Киев: Выща школа, 1981. 375 с.
12. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Астрель, 2012. 352 с.
13. Мелихов Д. И. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные вопросы духовной жизни. М.: Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 2003. С. 12–61.
14. Преп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве: Пер. с серб. СПб.: Адмиралтейство, 1998. 271 с.
15. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 265–316.
16. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. 504 с.
17. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Классический психоанализ и художественная литература. СПб.: Питер, 2002. С. 70–88.
18. Чиж В. Ф. Ф. М. Достоевский как психопатолог и криминолог // Чиж В. Ф. Болезнь Гоголя. М.: Республика, 2001. С. 287–511.

REFERENCES

1. Bursov B. I. Lichnost' Dostoevskogo. L.: Sovetskij pisatel', 1974. 672 s.
2. Grigor'ev Dm., prot. Dostoevskij i tserkov'. M.: Izd-vo pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo bogoslovskogo instituta, 2002. 175 s.
3. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. L.: Nauka, 1972–1990. T. 27. 762 s.
4. Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaja literatura: V 6 ch. Ch. III. M.: Hram sv. muchenitsy Tatianny pri MGU, 2003. 768 s.
5. Zernov N. M. Tri russkih proroka: Homjakov, Dostoevskij, Solov'ev. SPb.: Russkaja simfonija, 2010. 400 s.
6. Kol'tsova V. A., Holondovich E. N. Voploshchenie duhovnosti v lichnosti i tvorchestve F. M. Dostoevskogo. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2013. 304 s.
7. Korzhova E. Ju. Zdorov'e lichnosti v personologicheskikh modeljah // Izvestija RGPU im. A. I. Gertsena: Nauchnyj zhurnal. SPb., 2009. № 100. S. 77–87.
8. Korzhova E. Ju. Putevoditel' po zhiznennym orientatsijam: Lichnost' i ee zhiznennyj put' v hudozhestvennoj literature. SPb.: Obshchestvo pamjati igumenii Taisii, 2013. 542 s.
9. Kuznetsov O. N., Lebedev V. I. Dostoevskij nad bezdnoj bezumija. M.: Kogito-tsentr, 2003. 232 s.
10. Krechmer E. Genial'nye ljudi. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 303 s.
11. Leongard K. Aktsentuirovannye lichnosti: Per. s nem. Kiev: Vyshcha shkola, 1981. 375 s.
12. Lombrozo Ch. Genial'nost' i pomeshatel'stvo. M.: Astrel', 2012. 352 s.

-
13. Melihov D. I. Psihijatrija i problemy duhovnoj zhizni // Psihijatrija i aktual'nye voprosy duhovnoj zhizni. M.: Svjato-Filaretovskaja Moskovskaja vysshaja pravoslavno-hristianskaja shkola, 2003. S. 12–61.
 14. Prep. Iustin (Popovich). Dostoevskij o Evrope i slavjanstve: Per. s serb. SPb.: Admiraltejsvo, 1998. 271 s.
 15. Strahov N. N. Vospominanija o Fedore Mihajloviche Dostoevskom // F. M. Dostoevskij v vospominanijah sovremennikov: V 2 t. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1964. T. 1. S. 265–316.
 16. Tihomirov B. N. «...Ja zanimajus' etoj tajnoj, ibo hochu byt' chelovekom»: Stat'i i jesse o Dostoevskom. SPb.: Serebrjanyj vek, 2012. 504 s.
 17. Frejd Z. Dostoevskij i ottseubijstvo // Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaja literatura. SPb.: Piter, 2002. S. 70–88.
 18. Chizh V. F. F. M. Dostoevskij kak psihopatolog i kriminolog // CHizh V. F. Bolezn' Gogolja. M.: Respublika, 2001. S. 287–511.

М. П. Воюшина

РАЗВИТИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Развитие диалогического мышления рассматривается как стратегическое направление современного образования. Раскрывается методика обучения разным видам диалога в процессе чтения и анализа произведений литературы и живописи при работе по учебно-методическому комплексу «Диалог».

Ключевые слова: диалогическое мышление, виды диалога, методика преподавания литературы, младший школьник.

М. Voyushina

THE DEVELOPMENT OF DIALOGIC THINKING AT LITERATURE CLASSES IN THE ELEMENTARY SCHOOL

The development of dialogic thinking is considered as the strategic direction of contemporary education. The methods of teaching of different types of dialogue in the process of reading and analysis of literary and paintings based on the learning package “Dialogue” are suggested.

Keywords: dialogic thinking, the forms of dialogue, methods of teaching literature, elementary school student.

Необходимость умения вести диалог во всех сферах жизни — от быта до высокой политики — сегодня очевидна. Причина многих проблем современного мира кроется в неспособности к пониманию, уважению, принятию Другого, к абсолютизации собственной позиции как единственно верной. Поэтому среди множества задач, решаемых современным школьным образо-

ванием, одна из основных — развитие диалогического мышления школьника.

Размышляя о полифоничности романов Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин писал: «Мысль человека не систематична, а диалогична. То есть она требует ответа, возражений, требует согласия и несогласия. Только в атмосфере этой свободной борьбы человеческая и художественная мысль